

менная Криница Трояновской волости (32). По рассказам Е. В. Гриневецкой, правнучки Василия Завойко, «бабушка Паша каждое лето приезжала... в имение Завоек – Великую Мечетню» (33). (Ехать было недалеко – тот же Балтский уезд.)

Портрета Николая Фесуна у нас нет.

В семье Завойко сохранился снимок, сделанный в начале XX в. в Великой Мечетне (опубликован Н. С. Киселёвой в книге «На волне памяти»). Сидят под деревьями на лавочке две пожилые дочери Василия Завойко: Вера и Прасковья, а с ними их племянница, Евгения Гриневецкая. С краешка, рядом с Прасковьей Васильевной, сидит пожилой мужчина. На голове его белая фуражка с кокардой, на плечах поверх кителя накинут плед. Он седовлас и седоус, однако его смуглое лицо скрыто тенью козырька. Взгляд опущен, словно бы он разглядывает на ладошке божью коровку, не заботясь взглянуть на фотографа. Потомки Завойко предполагают, что мужчина, так близко сидящий к Прасковье Васильевне Фесун, и есть её супруг, Николай Алексеевич Фесун, отставной контр-адмирал. Подтвердить эту версию пока нечем, но ничто и не мешает допустить, что супруги приехали из Ниццы на родную Украину навестить родню.

Несомненно, Николай Фесун не раз позировал фотографу. В ателье ли с молодой женой, на палубе корабля «Ретвизан», или в собрании русского бомонда Ниццы... Возможно, такое фото ещё найдётся, и мы сможем посмотреть в глаза потомку украинских казаков и греческих архонтов, кругосветному мореходу, неправильному барину и мрачному экзажератору, но главное – герою и живописателю Петропавловской обороны.

1. Общий морской список. Ч. 8. С. 369–370.
2. [Электронный ресурс] URL : <http://forum.vgd.ru/148/9899/2110.htm>
3. Послужные данные Николая Фесуна // Общий морской список. Ч. 12. С. 157–158.
4. Каллао и Лима. (Из записок мичмана Фесуна 1-го, служившего на фрегате «Аврора» в 1854 году) // Морской сборник. 1855. Т. XVII. № 7, июль. Отдел учебно-литературный. С. 91–118.
5. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15-ти т. М., 1949. Т. 2: Статьи и рецензии 1853–1855. С. 599. [Электронный ресурс] URL : books.google.com.
6. Фесун Н. А. Письмо начальнику Морского корпуса Б. А. Глазенапу // Защитники Отечества. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 33.
7. Там же. С. 34.
8. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 3003. Л. 69–70об. Командиру фрегата «Аврора» Г. капитан-лейтенант Изыльметьеву мичмана Фесуна рапорт; [Электронный ресурс] URL : http://www.kamlib.ru/resources/rga_283.htm
9. Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора» // Морской сборник. 1960. № 1, янв., Ч. неофиц. С. 1–46.; Разбор статьи Дю-Айи («Гайли»), переход из Калья в Петропавловск, оборона порта, жизнь в Петропавловске; № 6, май. Ч. неофиц. С. 1–43. Зимовка в Петропавловске и перенос порта на Амур; № 8, июль. Ч. неофиц. С. 50–80. Переход из Петропавловска в Де-Кастри, встреча с неприятелем; уход в лиман р. Амур; № 9, авг., Ч. неофиц. С. 368–395. Переход из Де-Кастри к мысу Лазарева; № 11, окт., Ч. неофиц. С. 417–458. Проводка эскадры к Николаевску; постройка батарей, казарм и жизнь в Николаевске в 1855 г.
10. Корабль «Ретвизан» (Год в Европе и на европейских морях). Путевые впечатления и воспоминания Д. В. Григоровича. СПб., 1873. [Электронный ресурс] URL : http://dugward.ru/library/grigorovich/grigorovich_korabl_retvizan.html
11. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. 1857–1861 / сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М. : Терра, 1994. С. 152. [Электронный ресурс] URL : books.google.com.
12. Смирнов В. Г. Плавание на винтовом корабле Ретвизан по лучшим странам Европы: путевые впечатления гардемарина Михаила Рыкачева (1858–1859) // Елагинские чтения. Вып. 6. СПб, 2013.
13. Морской сборник. 1859. № 3. Ч. офиц., С. 104; Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. СПб., 1871. С. 217–218.
14. Там же. 1859. № 6. С. XLIII. Здесь же сообщено название погибшего австрийского судна – «Ammirabile».
15. Фесун Н. А. Замечания французских офицеров о корабле «Ретвизан» // Морской сборник. 1895. № 5. Ч. неофиц. С. 143–170.
16. Защитники Отечества. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 243.
17. Рассказ дю Айи о Семёне: Revue des deux mondes, 1858, tome XVII (Livraison du 1er Septembre.). P. 172–173.
18. Романов Д. И. Ответ г. лейтенанту Фесуну на его статью «Из записок офицера, служившего на

фрегате «Аврора» // Морской сборник. 1861. № 2. С. 278–283; Невельской Г. И. Замечания бывшего начальника Амурской экспедиции на статьи г. Фесуна, напечатанные в Морск. Сб. за Июль и Август месяцы // Там же. 1860. № 13, дек. Ч. неофиц. С. 359–386; Фесун Н. А. Ответ на замечания г. Невельского // Там же, 1861. № 2. С. 164–170; Шенурина А. А. Возражения на статью контр-адмирала Невельского «Замечания бывшего начальника Амурской экспедиции» // Там же. С. 171–184; Невельской Г. И. Письмо в редакцию Морского Сборника. (По поводу статьи г. Шенурина) // Там же. № 6, прил.

19. Арбузов А. П. Замечания на статью г. Фесуна о Петропавловском деле // Морской сборник. 1860. № 10. С. 4–10; Защитники Отечества. 1989. С. 166–169.
20. Арбузов А. П. Оборона Петропавловского порта в 1854 г. против англо-французской эскадры (из записок очевидца и участника в этом деле) // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 365–379; Защитники Отечества. С. 61–83.
21. Фесун Н. А. Из записок о кругосветном плавании на лодке «Морж» // Морской сборник. 1863. № 2, 4 (особые приложения, т. е. отдельные брошюры).
22. Из записок адмирала Д. С. Арсеньева. 1860–1862 годы. Плавание к берегам Восточной Сибири на канонерской лодке «Морж» // Русский архив. 1910. № 10. С. 257–442.
23. Гр. К. Л. (К. Ф. Литке.) Магелланов пролив и берега Патагонии. (Из заметок о плавании на винтовой лодке «Горностаи») // Морской сборник. 1868. № 3. Ч. неофиц. С. 3.
24. РГА ВМФ. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9; Киселёва Н. С. На волне памяти. О Петропавловской обороне 1854 г. Сборник воспоминаний, статей, писем и официальных документов. Петропавловск-Камчатский, 2010.
25. ЦГИАК Ф. 736. Оп. 1. Д. 207.
26. Лысенко В. И. Броненосные башенные лодки типа «Ураган» // Судостроение. 1985. № 3. С. 70.
27. «Н. Ф...а» // Морской сборник. 1864. № 4. Ч. неофиц. С. 263–324.
28. Труды общества для содействия Русской промышленности и торговле. Ч. 10. СПб, 1876. Журналы заседаний Комитета. С. 26.
29. Церковный вестник. 1898. № 29. С. 1013–1014.
30. Чернопятов В. И. Русский некрополь за границей. Т. 3. М., 1913. С. 19; [Электронный ресурс] URL : <http://forum.vgd.ru/348/4092/0.htm>
31. Евангелие от Матфея, 11:28.
32. [Электронный ресурс] URL : <http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Podolia/baltauezd.htm>
33. Киселёва Н. С. На волне памяти. С. 127.

Э. Кастен В. И. ИОХЕЛЬСОН И СИБИРЯКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1894–1897)

(перевод с немецкого Э. Кастена в обработке Тьян Заочной)

С В. И. Иохельсоном исследование народов и культур северо-восточной Сибири к концу XIX в. вступило в новую фазу. В течение предшествовавших 150 лет естествоиспытатели немецкого или немецко-балтийского происхождения уже посвятили себя этой деятельности, работая по поручению Российской империи (1). У Иохельсона была совершенно иная профессиональная подготовка. В первую очередь, это социально-критические убеждения, явно повлиявшие на его первые встречи с коренными народами и на его последующие исследования в северо-восточной Сибири. В ходе исследований он выработал методы, некоторые из которых позднее стали основополагающими для тогда еще молодой дисциплины – этнологии.

Благодаря многостороннему и интенсивному опыту в жизни Иохельсона произошел ряд неожиданных перемен: от политического активиста к ссыльному в Сибири, где он начал интересоваться живущими там местными народами. Позднее в Нью-Йорке он завершил свой научный труд, опираясь на который он оказал большое влияние на начинающуюся советскую этнографию. Иохельсон принял активное участие в трех больших этнографических экспедициях в северо-восточной Сибири: в Сибиряковской экспедиции (1894–1897), Северо-Тихоокеанской Джекзуповской экспедиции (1897–1902) (2) и экспедиции Рябушинского (1908–1911). На вопрос о том, как происходило формирование Иохельсона как этнолога, более приемлемый ответ можно дать, если рассмотреть исследование его первой экспедиции – Сибиряковской (3).

Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Иркутске организовал в 1894–1897 гг. (4) Якутскую историко-этнографическую экспедицию, во время

которой Иохельсон должен был проводить полевые исследовательские работы в районе р. Колымы. Иногда период экспедиции указывается также 1894–1896 гг., хотя Иохельсон, согласно его дневниковым записям (*Гурвич И. С.* Полевые дневники В. И. Иохельсона и Д. Л. Иохельсон-Бродской. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II. 1963. С. 248–258), проводил полевые работы в 1895–1897 гг. Первую из восьми поездок Иохельсон совершил 15 декабря 1894 г. из Якутска, последнюю – с 15 января по 15 июля 1897 г. Даты могли варьировать потому, что Иохельсон и Богораз непосредственно по окончании экспедиции еще занимались переписью населения в регионе, похоже, одновременно и сбором этнографических данных.

Позднее эта экспедиция была названа по имени ее мецената И. М. Сибирякова – иркутского купца, золотопромышленника и благотворителя. Сибирякова, кроме всего прочего, интересовало воздействие добычи золота на местное население (5). Таким образом у экспедиции наряду с научными целями были также практические, т. е. цели развития региона. И в то же время ее участники придерживались традиций предыдущих этнографических исследований северо-восточной Сибири – таких, как агронома Иоганна Карла Эренфрида Кегеля (1841–1847) и геолога и горного инженера Карла фон Дитмара (1851–1855) на Камчатке (6).

Согласно Д. Дальману (7), исследовательская группа из 26 человек начинала новую эру в истории исследований Сибири. Она состояла уже не как прежде из «классической императорской элиты царской России, т. е. из армии и науки» (8), а из служащих и интеллигенции Якутской области, к которым относились – с особого разрешения правительства – преимущественно высланные в регион революционеры, т. е. враги государства Русской империи.

Кроме В. И. Иохельсона и В. Г. Богоразы, в экспедиции приняли участие такие известные этнографы, как Э. К. Пекарский, И. И. Майнов, С. В. Ястремский и Н. А. Виташевский. С одним из руководителей экспедиции, Д. А. Клеменцом, Иохельсон познакомился еще в 1875 г. в Вильнюсе, с того времени они много лет сотрудничали в революционном движении.

Теперь же эти «враги государства» были востребованы как «интеллектуальный ресурс» (9), который сокращался после спада международного исследовательского сотрудничества т. н. «транснациональной фазы» (10) и начавшейся научной изоляции. Инициатива по исследованию и организации Сибиряковской экспедиции исходила из Иркутска, который во второй половине 19-го столетия становился новым интеллектуальным центром Сибири. Экспедиция была финансирована из региональных средств и организована региональным Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского Географического общества. При этом она должна была обходиться наличествующим интеллектуальным потенциалом региона, к которому, прежде всего, относились живущие там вполне образованные ссыльные.

Результаты, собранные Иохельсоном в Сибиряковской экспедиции, в сравнении с более поздними исследовательскими поездками по северо-восточной Сибири

Ранняя деятельность Иохельсона в революционном движении и его более поздний переход к науке были подробно описаны в других статьях (11). Более близкое рассмотрение, прежде всего писем и дневников времен его полевых работ, создает впечатление, что перемена в нем произошла уже тогда – в силу его усердного самообразования, позволявшего ему ближе знакомиться с языками и культурами живших там народов. Возможно, они очаровывали его, и ему хотелось тщательно изучить их жизнь, опираясь на использование научных методов. Очевидно, что свой научный интерес он выдвинул на передний план, но при этом не оставляя первоначальные социально-критические убеждения.

Поэтому в ранних публикациях (12) Иохельсона особенно отчетливо бросается в глаза эмпатия к местному населению, с помощью которой он пытался представить себя в их трудных жизненных условиях. Совершенно очевидно, что он следовал своим первоначальным революционным склонностям – улучшить положение незащищенных и угнетенных людей. Кроме того, ему было трудно скрывать эмоциональное смущение, так как самому пришлось долгое время жить с местным населением в очень трудных условиях. Ему на собственном опыте были знакомы везде и всюду поджидавшие опасности, например, однажды во время совместной поездки из-за крайне плохих погодных условий он со своей нартой на какое-то время потерял связь с караваном (13). Его описания о том, как он должен был вести себя во время пережитого им самим голода по отношению к своим спутникам (14), открыли ему же глаза и на то, как люди помогали друг другу в похожих ситуациях (15). С впечатляющей чуткостью Иохельсон описывает, как местное население обращалось с забо-

левыми сородичами, обреченными на смерть во время эпидемий оспенной пустулы, какие особые устройства по уходу за прокаженными люди создавали, при этом заботясь и о собственной защите от болезней. Но при всей эмоциональной озабоченности и расположении к местному населению Иохельсон трезво регистрирует также и то, как в таких крайних ситуациях в человеке проявляются разные черты характера – например, эгоизм (16) и жадность одного помощника при погребении, который присвоил себе ценное праздничное одеяние человека, умершего от оспенной пустулы, но поносив его какое-то время, вскоре умер сам от той же болезни (17).

Но открытая критика относилась больше все же к «мошенническим торговцам», от которых местные жители не были защищены. Иохельсон сожалеет, что правительство заботилось не о судьбе этих людей, а о том, «что половина промысла из столь бедного края уходит на водку» (18).

Удивительно, что проникнутые выраженным сочувствием описания уже отсутствовали в его более поздних монографиях, посвященных корякам и ительменам (19). И все же невероятно, чтобы позиция Иохельсона со временем могла измениться таким коренным образом. Более вероятным могло быть то, что в период тесного сотрудничества с Францом Боасом в Нью-Йорке он приспособил свои публикации к «научному» стилю, казавшемуся ему более полезным для признания и продвижения в новых, им выбранных, академических кругах. Эмоциональные сообщения, напротив, публикуемые, например, в журнале «Mutter Erde» («Мать Земля») могли казаться менее полезными.

Во время Сибиряковской экспедиции Иохельсон уже предвосхищает часть того, что позднее будет являться составной частью метода Боаса, а именно: «этнографический материал нужно уточнять нефальсифицированной передачей сообщений коренных народов с их собственных слов и на оригинальном языке» (20). В своих дневниках и письмах (21) Иохельсон уже в 1894 г. подчеркивает, насколько важным для понимания культур коренных народов является документирование речи на их родных языках, как он это делал в своих текстовых коллекциях.

Кроме того, Иохельсон задумывался о возникновении местных систем коммуникации на основе иероглифического шрифта, возможно первоначально ориентированной на звериные следы и на тщательное наблюдение природы (22). В своих описаниях о поведении во время охоты Иохельсон регистрирует элементарные отношения человека и зверя, характерные для этих народов. Исходя из этого, существует как бы негласная связь «между охотником и зверем. Если зверю не нравился охотник, то последний не мог его убить» (23).

Относительно рыболовства Иохельсон делает немаловажное наблюдение, когда пропускаются первые косяки поднимающейся морской рыбы, «чтобы не спугнуть рыбу», лишь после этого начинается лов (24). В этом поведении – даже если оно иначе обосновывалось – отражается передаваемое экологическое знание: пропускать достаточное количество рыбы к нересту и для живущих в верхнем течении реки. Похожее экологически и социально мотивированное поведение при рыболовстве отметил также Георг Вильгельм Штеллер в середине XVIII столетия у ительменов на Камчатке (25). Все это свидетельствует о том, что Иохельсон был тонким знатоком системы знаний коренного населения – такие качества сторонний человек мог приобрести только после длительного и активного метода включенного наблюдения.

И по другим пунктам ранние работы Иохельсона качественно отличаются от поздних. Он подробно описывает торговые споры, в которые от случая к случаю он сам был вовлечен (26), и ему знакомы специфика поведения и характерные черты представителей различных этнических групп. Они могут соответствовать действительности, но он избегает стилизовать их под этнические стереотипы, как это иногда случается. Он с исключительной сжатостью описывает – как и во многих других случаях – межэтнические отношения в области жизненно важного для выживания обмена между пятью различными группами населения – юкагирами, эвенами, эвенками, якутами и русскими.

Бросается в глаза и то, что такого рода описания и заявления отсутствуют в более поздних публикациях Иохельсона о коряках и ительменах. В отличие от продолжительного пребывания Иохельсона в относительно обозримом регионе во время Сибиряковской экспедиции (также и до того), выполнение задач Северо-Тихоокеанской Джебуповской экспедиции, очевидно, страдало от ограниченного времени, отведенного на исследования, т. к. Боас разработал обширную программу по возможности для более многостороннего культурного сравнения на огромной территории. Последнее касается, прежде всего, поездки Богоразы, во время которой ему не позволялось пребывать на одном месте более длительное время, чтобы заниматься действительно стационарным методом включенного наблюдения. Вместо этого заданный Боасом этнографический метод принял скорее всего вид лихорадочной собирательной поездки в смысле «salvage anthropology» («спасательной антропологии» – примерный перевод).

По сравнению с его предыдущими работами с юкагирами, похоже, Иохельсону во время Северо-Тихоокеанской Джебуповской экспедиции было сложно устанавливать доверчивые отношения с местным населением при исследовании коряков (27). Другая сложность во время работы с коряками могла возникнуть из-за того, что у него не было достаточно времени серьезно заниматься коряжским языком. Не всегда он был доволен услугами своего переводчика. Прежде всего обращает на себя внимание то различие, что путешествия к юкагирам Иохельсон совершал с местными экспертами, причем состав группы мог варьировать в зависимости от того, соответствовало ли это местным обстоятельствам. При этом он мог выбирать людей из сведущих местных сотрудников, с которыми он частично был знаком со времен ссылки, и между ними уже существовало взаимное доверие. Их важный вклад он отчетливо подчеркивал прежде всего в письмах (28), напротив, в более поздних монографиях об этом практически не упоминается (29). Игорь Крупник обратил внимание на то же самое и в отношении к монографии Богораза «The Chukchee» (30), вышедшей, как и монография Иохельсона «The Koryak» после Северо-Тихоокеанской Джебуповской экспедиции.

Очевидно, нехватка подходящих местных сотрудников во время более поздних экспедиций могла вызывать у Иохельсона раздражение и разочарование, что отражается в его скорее неэмоциональных описаниях коряков. Еще отчетливее это проявляется в его этнографии по ительменам (камчадалам) во время следующей исследовательской поездки – экспедиции Рябушинского в 1910–1911 гг. Здесь у Иохельсона можно почувствовать прямо-таки вялость, и кажется, что в своих заметках он больше интересуется своей «камчадалской» собакой, чем представителями коренного населения. С самого начала этой экспедиции он проявлял большой интерес к археологии, языку и культуре алеутов (31) и согласился с присоединением Камчатки к программе научных исследований, пожалуй, подчиняясь, скорее, желанию мецената Ф. П. Рябушинского. В конце концов, работа по ительменам была менее содержательной, чем его предыдущие работы. Может быть поэтому он так долго откладывал ее публикацию, и он сам так ее и не закончил.

В глаза бросается и то, какими разными оказываются вид и качество этнографических высказываний в публикациях Иохельсона в каждой из трех экспедиций, в которых он принимал активное участие. В многочисленных публикациях по юкагирам Иохельсон, похоже осознанно, определял различные тематические фокусы. Это обосновано тем, что публикации в самом начале были рассчитаны на еще гетерогенный круг читателей. Своими статьями в немецкоязычных журналах он пытался обратиться к политическим движениям в России и прежде всего – к международным революционным кругам, среди которых немецкая партия социал-демократов была в то время движущей силой. Его первые опубликованные сообщения в России служили для того, чтобы уведомить Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического общества и сотрудников Сибиряковской экспедиции, а также других ученых в России об актуальных результатах его исследований. Немецким переводом этих статей он как бы предлагал свои услуги для прочтения докладов в научных кругах Западной Европы с целью дальнейшего профессионального роста. То, что эти статьи он уже ранее публиковал в популярных научных журналах, таких, например, как «Mutter Erde», можно объяснить отсутствием денег. Боас тоже должен был сам финансировать свои первые полевые работы (32). Кроме того, через эти журналы предоставлялась возможность привлечь внимание широкого круга образованной публики.

Последующие публикации, в которых Иохельсон со своей монографией «The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus» вновь возвращался к материалам Сибиряковской экспедиции, были ориентированы с целью достижения дальнейшей профессиональной карьеры на совершенно другую публику, а именно: коллег со всего мира в области американской культурной антропологии.

1. Bibliotheca Kamtschatica издательства Фонда культуры народов Сибири [Электронный ресурс]: http://www.siberian-studies.org/publications/bika_R.html
2. Kasten, E. and M. Dürr: Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition. A New Approach in the Ethnography of the Russian Far East // Jochelson, W. The Koryak. 2016.
3. Kasten, E. Vom politisch Verbannten zum bedeutenden Ethnologen: Waldemar Jochelson und die Sibirjakov-Expedition (1894–1897) // Jochelson, W. Aus dem Fernen Osten Russlands: Deutschsprachige Schriften (1881–1908). Kasten, E. (Hg.). 2017.
4. Иохельсон В. И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов // Известия ВСОИРОГО XXIX (1)1898b. С. 10–11.
5. Сирна А. А. «Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами...» // Илин. 2007. № 5. С. 90–92.

6. Gülden, W. F. (Hg.). Johann Karl Ehrenfried Kegel: Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Ergebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel von 1841 bis 1847. 2011. Ditmar, K. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851–1855. 2011. Kasten, E. (Hg.) Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013.
7. Dahlmann, D. Deutschbaltische Forschungsreisende und Wissenschaftler und die Universität Dorpat in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts – Ein Überblick // Auf den Spuren der modernen Sozial- und Kulturanthropologie: Die Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) im Nordosten Sibiriens, M. Winterschladen, D. Ordubadi, D. Dahlmann (Hg.). 2016. С. 44.
8. Там же.
9. Dahlmann, D. 2016. С. 45.
10. Schweizer, P. Naturforscher, Weltreisende und nationale Forschungstraditionen: Bemerkungen zur ethnologischen Erforschung Sibiriens // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. E. Kasten (Hg.). 2013. С. 11–28.
11. Kasten, E. 2017; Winterschladen, M. Zwischen Revolution und Wissenschaft. Vladimir Iochel'son, Vladimir Bogoraz und die Verflechtung von Wissenschaft und Politik – Ein biographischer Zugang // Auf den Spuren der modernen Sozial- und Kulturanthropologie: Die Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) im Nordosten Sibiriens, M. Winterschladen, D. Ordubadi, D. Dahlmann (Hg.). 2016. С. 77–118.
12. Jochelson, W. Aus dem Fernen Osten Russlands: Deutschsprachige Schriften (1881–1908). E. Kasten (Hg.). 2017. (Сборник немецкоязычных статей В. И. Иохельсона, см. № 13, 14, 15, 16, 22, 23, 24, 26, 31).
13. Jochelson, W. In Polargegenden: I. Das Eisen-Mädchen (Timir-Kyß) // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie. Bd. 1: 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
14. Jochelson, W. Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
15. Jochelson, W. In Polargegenden: I. Das Eisen-Mädchen (Timir-Kyß) // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie. Bd. 1: 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx Jochelson, W. Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
16. Jochelson, W. In Polargegenden: III. Die Blattern im äussersten Norden. // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie, Bd. 1. 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
17. Jochelson, W. In Polargegenden: III. Die Blattern im äussersten Norden // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie, Bd. 1. 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx.
18. Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письменна. СПб., 1898: 274; Он же. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе (Тр. Якутской экспедиции. Отд. III. Т. X. Ч. 3). СПб., 1898.
19. Jochelson, W. The Koryak 2016 [1908], Jochelson, V. I. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. 2017 [1910–1926].
20. Boas, F. Die Resultate der Jesup-Expedition. Verhandlungen des XVI. internationalen Amerikanisten-Kongresses (1908). 1910. С. 7.
21. см. № 4, 5.
22. Jochelson, W. Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
23. Jochelson, W. Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. № 12.24. Jochelson, W. Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
24. Kasten, E. Koryak Salmon Fishery: Remembrances of the Past, Perspectives for the Future // Keystone Nations: Indigenous Peoples and Salmon Across the North Pacific. B. J. Colombi and J. F. Brooks (eds.) 2012. С. 70.
25. Jochelson, W. Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
26. Kasten, E. and M. Dürr: 2016. С. 25.
27. Сирна А. А. «Скоро будет два года... С. 96.

29. Kasten, E. and M. Dürr: 2016. С. 18.
 30. Krupnik, I. Waldemar Bogoras and The Chukchee: A Maestro and a Classical Ethnography // Waldemar Bogoras: The Chukchee. M. Dürr and E. Kasten (eds.). 2017. С. 32.
 31. Jochelson, W. Die Riabouschinsky-Expedition nach Kamtschatka. // Globus 94.1908, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: xx
 32. Kasten, E. Franz Boas. Ein engagierter Wissenschaftler in der Auseinandersetzung mit seiner Zeit. // Franz Boas. Ethnologe, Anthropologe, Sprachwissenschaftler. M. Dürr, E. Kasten, E. Renner (Hg.). 1992. С. 11.

А. И. Кириллова ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОМАНДОРСКИХ АЛЕУТОВ

Командорские алеуты – локальная этническая общность, проживающая на Командорских островах (Камчатский край). Острова были заселены по решению Российско-Американской компании (далее – РАК) в XIX в. завезенными с Алеутских островов алеутами. Данная территория интересна для изучения историками и этнографами также потому, что это единственная в Российской Федерации зона компактного проживания алеутов. Сегодня все население Алеутского района проживает на о. Беринга в с. Никольском, расположенное на о. Медном с. Преображенское было закрыто, а его жители переселены в 1970 г. Закрытие села связано с советской политикой оптимизации сети населенных пунктов. Численность командорских алеутов не превышает сегодня 500 чел., по данным последней Всероссийской переписи населения – 401 чел. (6).

В силу долгой изолированности от основной ветви алеутов и радикальных перемен в образе жизни, произошедших под влиянием процесса советизации и постсоветского развития, на сегодняшний день локальную группу алеутов, проживающую на Командорских островах, правомерно называть командорскими алеутами и выделять в обособленную этническую общность. Кроме того, в рамках проживания на о. Беринга и о. Медном сформировались диалекты алеутского языка – беринговский (язык западной диалектной группы) и медновский, являющийся креолизованным языком с алеутской лексикой и смешанной русско-алеутской грамматической системой (1). Также ученые отмечают, что особое географическое положение островов (труднодоступность территории даже на современном этапе развития – существует лишь пассажирское авиасообщение, сильно зависящее от метеословий) способствовало длительному сохранению самобытной культуры этногруппы. По этим причинам автор использует этноним «командорские алеуты», образованный на основе зоны расселения этнической общности. Именование локальных этнических групп по территории их расселения признано в современной российской этнологии, например: березовские эвены, тюсягирские эвены и т. д.

В истории изучения командорских алеутов можно выделить три значимых этапа:

- 1) досоветский (имперский) (кон. XIX – нач. XX вв.), преимущественно связан с миссионерской деятельностью и научными экспедициями зарубежных исследователей и Русского географического общества. Он охарактеризовался сбором эмпирического материала, описанием образа жизни алеутов на новой для них территории. Собранные в тот период материалы являются ценными для современных исследователей, т. к. позволяют выявить изменения, произошедшие в традициях и жизни данной этнической группы;
- 2) советский (1920-е – 1991 г.), был связан с советизацией всех коренных народов Севера, т. е. воплощением идей культурной революции, коллективизацией и развитием социально-экономической инфраструктуры регионов. Исследования были направлены сначала на изучение алеутов с целью активизации процесса советизации, а после 1950-х гг. – на итоги интеграции командорских алеутов в экономическое и социо-культурное пространство страны;
- 3) постсоветский (современный) (1991 г. – начало XXI в.), связанный с возможностью доступа к зарубежным исследованиям, появлением на Командорских островах зарубежных ученых, а также изучением новых аспектов (например, особенности ДНК алеутов), технологий (математическое моделирование и информационные технологии) и методологических подходов (модернизационный подход, case-study и др.).

В рамках каждого из этапов в силу их длительности можно выделить подпериоды, но их выделение является предметом более детального и обширного исследования. Также данное исследование не является всеобъемлющим и может быть существенно расширено и дополнено. Этапы изучения командорских алеутов проиллюстрированы некоторыми примерами.

Досоветский (имперский) период начался с исследований командорских алеутов деятелями церкви для осуществления миссионерской деятельности и распространения православия в их среде. Одним из первых их образ жизни и язык изучал Иннокентий (Вениаминов) – в 1840–1867 гг. жил на Дальнем Востоке, был сначала епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, с 1850 г. – возведен в сан архиепископа. В 1843, 1840 и 1850 гг. – совершил поездки по епархии, которая охватывала огромные территории: часть Якутии, Охотское побережье, Камчатку, Чукотку, Аляску, Курильские, Командорские, Алеутские острова. Для удобства ведения проповедей и служб изучил алеутский язык и перевел на него текст Священного Писания, а также вел службы на нем. Сохранились переводы на алеутский язык (аткинский диалект) речей, с которыми Иннокентий (Вениаминов) выступал в Аткинской церкви и Беринговской часовне (3). Особое внимание он уделял именно лингвистическому аспекту. Иннокентий (Вениаминов) впервые выделил аткинский диалект (4). Труды архиепископа крайне важны для филологов и для дальнейшего развития алеутского языка в среде командорских алеутов. Он же одним из первых описал поселение на Командорских островах.

Этнографические экспедиции 1898–1901 гг. (Северо-Тихоокеанская экспедиция Джексона) и 1909–1911 гг. (Камчатская экспедиция), в составе которых работал В. И. Йохельсон, своей задачей ставили изучение культуры народов Севера. В трудах В. И. Йохельсона можно найти информацию об основных занятиях и образе жизни командорских алеутов. Часть его материалов, сформированная в коллекцию бумаг В. И. Йохельсона, в силу эмиграции из СССР в 1920-х гг. хранится в Нью-Йоркской публичной библиотеке (14). Будучи профессиональным ученым, он вел запись фольклора, собирал материалы для музейных этнографических коллекций, а также составлял детальные описания одежды, жилищ, занятий и особенностей взаимоотношений в среде командорских алеутов. Значительная часть его работ и собранных материалов по итогам экспедиции Российского географического общества была передана ученым в Азиатский музей Российской академии наук (5). Изучал он как командорских алеутов, так и тех, кто обитал на Алеутских островах на территории США. Таким образом, В. И. Йохельсон был одним из первых ученых, обобщивших знания об алеутах, особенностях их образа жизни, языке и фольклоре. Следует отметить, что именно командорских алеутов он детально не изучал, в отдельную этническую группу также не выделял.

Советский период изучения командорских алеутов начался с 1923–1924 гг., когда были сделаны первые попытки систематизации накопленных знаний о народах, населявших регион. Важно, что первые советские исследования зачастую проводились чиновниками, т. к. финансирования на отдельные научные экспедиции не выделялось. Одним из первых советских исследователей был Б. А. Редько, бывший в начале 1920-х гг. помощником начальника пушных промыслов, проживавший на территории островов в течение трех лет. Он же составил первый советский этнографический очерк, посвященный командорским алеутам. Он отмечает, что в начале 1920-х гг. природные ресурсы эксплуатировались максимально, при этом завоз продуктов не был организован в должной мере, поэтому их приходилось выменивать у американских предпринимателей (7). По данным Б. А. Редько, население жило в антисанитарных условиях, были распространены простудные заболевания, болезни зубов и желудка. В целом, он отмечает неудовлетворительные бытовые условия на Командорских островах в начале 1920-х гг., слабую организацию снабжения продовольствием, а также хищническую эксплуатацию природных ресурсов. В отдельную этническую общность исследователь их также не выделяет.

Комплексное изучение истории и культуры народов Севера и камчатских алеутов в частности началось с 1926 г., когда была проведена Всесоюзная перепись населения. Все исследования основывались на марксистской теории исторического материализма. В 1956 г. в рамках издания многотомной антологии Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР «Народы мира. Этнографические очерки» в свет вышла книга «Народы Сибири», содержащая статью, посвященную алеутам. В основу статьи легли новые полевые материалы советских исследователей по этнографии, археологии и антропологии, собранные в течение 1920–1950-х гг., музейные коллекции и этнографическая литература, изданная как в досоветский, так и в советский периоды. Однако данная статья содержит максимально обобщенную информацию по командорским алеутам, не основана на полевых материалах, в особую этническую общность их также не выделяют, детального описания их материальной и духовной культуры не представлено (2).